

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

УРОКИ ОДНОЙ ПРОГРАММЫ

Любители и творцы

Еще недавно о массовой художественной самодельности кое-кто говорил с торжественным особым восторженно-презрительным тоном. Слесарь поэт Евгений Онегин и даже читает коты — ах, как это удивительно! — восхитительны, певали они. Нам доподлинно известно, что он знает еще две арии из «Князя Игоря» — это поразительно! — до-бавили другие. В самодельности видели своеобразный патристический слесарь и Евгений Онегин, метро-строитель и вдруг играет Баховева, чернорабочий — скрипка. Как игра-ет, хорошо ли поет, что ли скрипач — об этом не думали.

Но вот в Театре народного творче-ства выступает ростовская табачни-ца Семенова. «Откуда эти слезы?» — поет она, и слушатели забываю-т, что перед ними табачница. Это поет Лиля, памятливая старая гра-финя, влюбленная в Германа. Лиля, какую редко можно встретить на про-фессиональной оперной сцене. Вы-ступление Семеновой не было исклю-чением. И в первой программе и в пред-дущих программах, показанных Театром народного творчества, были выступления такой же художествен-ной ценности. И танцоры, и акроба-ты, и музыканты из народа оказа-лись куда более требовательными к своему искусству, чем ныне профес-сиональные исполнители. Наша худ-ожественная самодельность решитель-но ничем не напоминает быв-шую «любительскую». Влияния дур-ной любительщины кое-где сказыва-ются и сейчас, но подлинно народ-ное самодельное художественное движение всегда противостояло этим влияниям. Наша художественная самодельность, в которой уча-ствуют самые широкие слои тру-женников города, тысячи талант-ливых колхозных музыкантов и ар-тистов иногда не уступают профес-сиональному искусству. Это особен-

но очевидно, когда смотришь перво-майскую программу Театра народного творчества. Разве не могут позавидо-вать многие наши исполнительницы народных песен мастерству Зины Халиковой, казанской работницы, по-полняющей «Татар калыкы»? Орехо-во-завесские акробаты братья Марки-ны с полным правом могли бы за-ять далеко не последнее место в самом «грандиозном» представлении московского Госцирка. Но особенно совершенным по своему мастерству выступили разнообразные нацио-нальных ансамблей. Крымские тата-ры, дагестанцы, грузины, узбеки, вы-ступавшие в первой программе, по-казали такие пляски, каких не ви-дели мы, к сожалению, даже в луч-ших наших театрах.

Что же будет с этими коллектива-ми и солистами дальше? Театр, при-гласивший их в Москву, оправдыва-ется пока тем, что помогает по-становке тех двух-трех номеров, ко-торые входят в очередную пятнадц-атую программу. Театр народного твор-чества еще не стал тем методиче-ским центром, который мог бы дей-ственно помогать своим гастролиру-ющим и по окончании их выступлений. А это нужно сделать. Конечно, одна театр с этим не справится. Ему нуж-но прийти на помощь. Мастера на-шего искусства должны принять здесь самое широкое участие. Это бу-дет полезно не только самодель-ным исполнителям, но и самим ма-стерам.

Театры народного творчества созда-ются в Ростове, Клеве, Сталинграде и других городах. Они являются той массовой художественной школой, где мастерство исполнителей из народа будет расти и совершенствоваться. В нашей стране любители искусства становятся его творцами.

М. ПЕТРОВ

О сложности и примитивизме

Когда недавно в московской школах надо было разучить на два голоса по-пулярную революционную песню, это оказалось неожиданно чрезвычайно трудным. Детвора не знает, не чув-ствует двухголосия, она все свои песни поет в один голос. Наше музыкаль-ное искусство не развивает куль-туры полифонии. А вот приезжают с Украины кашпела бандуристов, ра-бочий хор и труднейшие песни поют в три-четыре голоса совершенно сво-бодно и непринужденно, поют, не за-мечая трудности, которые, кстати сказать, одолеет не всякий профес-сионально натренированный хор и вы-сокоразвитые артисты-музыканты. На народную пляску обычно многие смот-рят свысока. Но мы утверждаем, что ни один из наших рьяных танцоров, овладевающих «высотами техники фокстрота», не сможет выполнить те сложнейшие по ритму и по рисунку движений народные танцы, которые показывают крымские и казанские татары, турки и грузины в интерна-циональной программе.

Выступая против сложившегося и очень распространенного в некоторых кругах представления о народном ис-кусстве как искусстве примитивном, мы вовсе не думаем идеализировать народное искусство, признавая все это искусство большим, глубоким и сложным. Слушая интернациональную программу в Театре народного твор-чества, убеждаешься, что и в области народного творчества идет неравно-мерное развитие отдельных искусств. При чрезвычайно яркой и развитой танцевальной культуре, скажем, у крымских татар, музыка их еще дей-ствительно не развита, однообразна и подчас мало выразительна. Мы дол-жны рассматривать народное творче-ство в динамике, в процессе, в росте. Было бы очень важно, чтобы Театр народного творчества составлял и со-ставлял бы в своем архиве по поводу каждого коллектива специальную худ-ожественную характеристику, в ко-торой отмечался бы художественный путь данного коллектива или участ-ника. Каждый коллектив, выступав-ший в той или иной программе в те-атре, не должен уходить из поля зре-ния театра, и через какой-то проме-жуток времени, год или два, должен — и это будет представлять огром-нейший интерес — выступать на по-дмостках Театра народного творчества. Внимательно и интересно будет по-смотреть, как вырастут за эти один-два года выступающие сейчас коллеч-

тивы и отдельные исполнители, на-пример, певица Семенова, табачни-ца, исполняющая арию Лизы из «Пл-ховой дамы» и романе Чайковского «Закатилось солнце». Сейчас эта та-бачница числится певицей, занимаю-щейся «пением без отрыва от произ-водства». Через несколько лет она, по-жалуй, станет табачницей без отрыва от искусства. У нее все данные стать профессиональной певицей. На пер-вых нескольких тактах арии «Отку-да эти слезы» можно проверить лю-бую певицу, ее способности, ее стух — это бесспорно одно из трудней-ших мест в вокальной литературе. Семенова поет арию и романс исклю-чительно тонко, безупречно по инто-нации и чрезвычайно выразительно. При чем насколько правдиво и пе-речно она поет, настолько деланны-ми и какими-то нарочито неоправдан-ными кажутся ее движения, которые она сопровождает свое пение. Но самое ценное в Семеновой то, что она поет классику, что она ориентирует-ся на лучшие произведения русской музыки, а не гонится за дешевыми ми-астранными песенками, всяческими песенками настроений, которы-ми полна наша астрада. К сожале-нию, этой эстрадной музыкальной пошлятикой заражен ансамбль пляз-гола.

Очень многие самодельные кол-лективы и исполнители копируют профес-сионалов. Если самодельный коллектив или исполнитель ориенти-руется на хорошие, подлинные худ-ожественные образцы профессиональ-ного искусства — это хорошо, если на-дурные — это дурно. Все дело в том, таким образом, чтобы ориентировать нашу самодельность на самые вы-сокие, самые лучшие образцы профес-сионального искусства.

Э. ГАЛЛЬ

Искусство четырнадцати национальностей

Первомайская программа Театра народного творчества стала, по суще-ству, началом всеобщего смотра художественной самодельности профсоюзом. Первыми на трибуну смотра вышли только восемь цен-тральных комитетов союзов. Но их делегаты представляли искусство че-тырнадцати национальностей.

Братская дружба народов Совет-ской страны наша прекрасная иллю-страция в первомайской програм-ме Театра народного творчества. Как близкие и давно знакомые товарищи, встретились на сцене театра жители Узбекистана и Чуколки.

В нашей стране, открывшей несе-кьяемые родники творческой энер-гии, искусство получает новые фор-мы, расцветает новыми красками. Так происходит и с искусством профес-сионалов, и с массовым народным твор-чеством. Жизнь, яркая и растущая, вдохновляет новыми методиче-скими и старыми инструментами, и старые будто бы казавшиеся мертвыми. Давно ли бандура была «плакатной», за-вала преимущественно песни прога-тежные, повествовательные-летопи-сные. Сейчас бандура поет уже новые песни. Она заразительно смеется, ко-гда вторит юной сопелке Люде Лис-невской, с ее гудящей струн слезают веселые арии песни шуточные и аэрические. Инструмент выдержал «ис-пытание временем» и даже нашел по-вое признание. Старый питейщик Епифан плавает на незатейливой пастушьей свирели классическую мелодию Гуно, а на итальянской ока-ршо воспевают украинскую народ-ную песню. Епифану удается обнару-жить новые качества ветхой про-стенькой дудочки. Кто скажет, что самобытность народного творчества и культура, самодельность и ма-стерство — вещи несовместимые? В нашей стране пропагандируются кре-пкие нити от народного творчества к культуре, а самодельность мало-мало тянется к мастерству. Мы не ви-дим ничего дурного в том, что татарский оркестр называя в своем со-ставе скрипача. Прежде расхлябанная, нарочито вульгарная белорусская «Лявониха» обрела композиционную стройность быть может целой замы-слованной от русской плясовой и да-же полонеза (!). Это «нарушение» традиций нас не смущает.

Наше стремление сохранить само-бытность далеки от вздорных причуд турманов, палки до всякой «сказот-ки» и восторжествующим примитивом. Не чернеющая «почвенность», не детская непосредственность и напы-ленная созидатель художественных ценностей образуют наши представ-ления о самобытности, а подлинная народность этих ценностей, простых и понятных, близких интересам и чаяниям народных масс. Оберегая са-мобытность, мы прежде всего предо-храняем творения народного таланта от творческих влияний псевдона-родного искусства.

Гусли могут быть источником на-родного и псевдонародного творче-ства — смотря как их используют. Печать народнической стилизации лежит на выступлениях оркестра де-шиградских гуслистов (рук. Шама-мов). Участники побеждают своей музыкальностью, во в руках этих разноразных «под дождя русских молочков» исполнителей старинные гусельки стали предметом кабаретно-эстрадного обихода. Прекрасно ти-цует крымская татарка Сарра Гур-джин. Но костюм танцовщицы и раз-вязано-кокетливая манера исполнения танца «Лилу» заставляют вспомнить экстравагантную эстрадную исполн-тельницу.

Нигде, однако, так сильно не ска-зываются влияния салонной эстра-ды, как в выступлениях джаз-гола ростовского клуба рабочих табачни-ков. Вкус, восприятие джазом, весьма неприглядны. Джаз — дешеревака, с ресторанным привку-сом. Отсутствует настоящий джаз,

шарж, протия, смех. Обвинять в этом надо не исполнителей. Свой упрек мы адресуем к посещателям, к проф-союзам. Кстати, союз табачников пред-ставлен в программе одним джаз-го-лом. Неужели это лучшее и наибо-лее типичное во всей самодельности табачников или в этом сказыва-ются вкусы их профсоюзных руково-дителей? Склонном уж невысказатель-ных эти вкусы.

Как наряду с другими националь-ными искусствами представлено в первомайской программе русское на-родное творчество? Безно до край-ности. Зауральный хор народной песни, один-два солиста, детский танец (почему это русский?) и... джаз. Два слова о детском танце. Способной постановщице Бекуновой не повезло: ее «Дружба» напоминает конфетно-сладкую иллюстрацию в стиле «нахальных открыток».

Единодушное восхищение вызва-ли песни, пляски и игры народов Севера. Великолепна техника испол-нителей — студентов Института на-родов Севера. С каким искусством фехтуют на палках! Дово-дкости и природной легкости исполне-ния «Ласточки» тов. Копейки могут позавидовать опытные спортсмены. Какой остроумный трюк лег в осно-ву клоунады «Борьба хитишей», раз-ыгрываемой С. Кле. Эти люди рит-мичны, пластичны, музыкальны. Сек-рет успеха этих людей не только в техническом совершенстве, но и в неповторимом своеобразии того, что они делают. Суть успеха в самом ха-рактере и стиле творчества, в мето-дах изобразительной характеристи-ки, в ее связи с жизнью и бытом се-верных национальностей. Устойчивая иллю-страция к окружающей действитель-ности — так воспринимается каждый номер. Есть отпадения у эскимосов и наивцев, у калит и коряков — но всех их объединяет связь с бытом, реальностью, тематикой и условностью форм изображения. Из соотношения реальности и условности в народном искусстве Севера можно извлечь немало поучительного.

Творчество северных народностей врезывается в память, благодаря ост-роты и стремительности действия, его самобытности свежести, обаянию не-посредственности и искренней возло-нованности. Но Театр народного твор-

чества недостаточно помогает зрите-лям глубоко и всесторонне оценить искусство Севера. Да и не только Се-вера. А танцы армян, турков — раз-ве это не материал для серьезного анализа и вдумчивого изучения.

Нужно быть недопустимо ресто-нительным, чтобы, вытиская на сцену прекрасных мастеров народного ис-кусства, не зафиксировать и не сох-ранить опыт их творчества. Театр народного творчества не может быть обычной прокатной эстрадой пло-щадкой. Приехавшие артисты, выступи-ли, уехали — и след простыл. Театр должен стать центром методического общения и изучения богатейшего и разнообразнейшего творчества на-родов СССР.

В заключение остановимся на срав-нении армянского и тюркского тан-цевальных коллективов. У них мно-го общего — и в отдельных движе-ниях и в композиционном рисунке танцев. Это указывает на связь между национальными особенностями тюркской и армянской культуры та-нца. Сходство начинается с того мо-мента, когда исполнители, взяв друг друга за руки и потанцовывая в такт музыке, появляются на сцене в виде живописной «пирляиды». Но за этим единством графической схемы танца скрыто и существенное различие сти-ля. Кажется, что бурный, неукротимый темперамент тюркских танцоров иногда перекрывает всякие огра-ничения формы. При этом острое за-вывает необычайная страстность исполнения. Тюркам свойственно и чувство юмора. У армянских танцо-ров также достаточно темперамента. Но в их выступлениях привлекает ещ-е тонкая пластичность и умение соче-тать выпучий, выпревой темп муж-ских плясок с легкой легкостью и эл-егантностью женских танцев. Раз-личие армянских и тюркских танцо-ров сказывается и в динамическом нарастании танца, и в его мелоди-ческой окраске, и в смене ритми-ческих элементов, и в более плавных и резких у турков и более плавных и резких у армян. В тюркском танце в боль-шей мере заметно родство с ритуаль-ными формами пляски. Армянские танцы уже выдержали серьезную культурную обработку. Они дальше от обрядовых бытовых традиций и ближе к искусству.

В. ГЛИНСКИЙ

Зритель фантазирует

Известно, что танцы первобытных народов часто являются подражани-ем трудовым процессам и представ-ляют собой то изображение охоты, то рыбную ловлю, то подражание по-вадкам наиболее почитаемых живот-ных и птиц. Охотник стремится пе-режить снова удовольствие, испытан-ное им во время охоты, и создает свою оригинальную охотничью пля-ску. Такой танец состоит из ряда те-лодвижений, выдержанных в опре-деленном ритме. Но тут еще нет чув-ства ритма в нашем понимании. До эстетической эмоции здесь еще дале-ко.

★ Когда смотришь выступления сту-дентов Института народов Севера в Театре народного творчества, раньше всего возникает вопрос: в чем отли-чие этих плясок от охотничьих, воен-ных или ритуальных плясок перва-бытных народов?

Танец коряков «Нерпа» или чукчей «Ворон» и по сюжету и по технике исполнения как будто ничем не от-личается от плясок народов, стоящих на низших ступенях развития. Как танцуют студенты «Нерпу»? Они ста-раются держать голову, как держит ее нерпа, они подражают всем ее движениям: плещет верхняя часть туловища, голова, шовом, все са-мо собой. Движения плавные, медленные, эластичные, в то же время они упруги, нежны, лени-вы. Здесь так же, как и в танце

«Ворон», сделано все, чтобы прибли-зиться к природе, к изображаемому предмету. Но здесь ритмические те-лодвижения уже не просто изобража-ют события или действия. Человеческое тело становится художе-ственно — изобразительным средством. Если в охотничьем танце вы чув-ствуете только механику движений, то здесь танец становится уже поэ-зией. Он перестает подражать приро-де, в нем можно различить внутрен-нюю логику, композицию.

Некоторые критики утверждают, что самое важное в плясках и играх народов Севера — это их близость к природе. Важно другое — их от-ношение к природе. Тут уже нет нич-его от первобытного пантеизма, от растерянности человека перед непо-познаемостью тайн природы, от язы-ческого культа. В плясках высказы-вается сознательное отношение чело-века к окружающему его миру. В танце «Лесного старика» гротескность фигуры танцора подчеркивает всю нелепость этой ритуальной пляски. Откровенно пародийный танец пама-нов. Есть известный элемент пропн-ности и в аэрической пляске, изобра-женной на панно, специально написан-ном к выступлениям коллектива. Па-но, написанное самими студентами, поражает своим декоративизмом, кра-сочными пятнами, выпуклостью и эпическим покоем. Опекается северный пейзаж — оленьи упряжки, юрты, люди — все это согрето такими «эпо-ными», гоголевскими красками, что просто поражаешься силе воображе-ния художника.

Написанное в условной манере па-но определяет характер всего высту-пления коллектива. Освобожая ис-полнителя от лишнего ассесуара, упрощая сценическую технику, театр создает такую гиперприветку, при ко-торой зритель приходится в своем воображении дописывать создавае-мые сценкой намеки.

Зритель фантазирует. Он видит го-товащегося к полету ворона, и ны-ряющего тюленя, он путешествует в воображаемой лодке и участвует в поединке на «больших палках».

М. АЛЕКСАНДРОВ

Театр народного творчества. Та-тарский народный танец. Казань